

Школа – территория любви

Между словом «педагог» и именем Ольги Ройтблат, ректора Института развития регионального образования, существует прямая ассоциация. Наверное, это не случайно. Мы искали ответ на этот вопрос вместе с Ольгой Владимировной.

– Когда речь заходит о педагогах, почти сразу звучит ваше имя...

– Правда? Для меня это новость...

– А в вашей семье были педагоги?

– Нет, не было. Произнося слово «педагог», мы, как правило, представляем человека, который имеет профессию учителя, стоит у доски. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что есть и другие учителя, которые у доски не стоят. Это такие педагоги по жизни. У меня, например, есть хорошие друзья, которые меня многому научили. Так вот, мои мама и папа не имели высшего образования, они были водителями, но все, что во мне было заложено для педагога, я получила от них. Это был их старт. И удивительная интеллигентность мамы, Веры Александровны, ее деликатность, корректность. И дед, Антон Прокопьевич, который учил меня читать с четырехлетнего возраста, прививал мне любовь к книгам. Он школы не кончал, но поступил сразу в академию, а потом командовал дивизией во время войны. Вот такие у меня были учителя!

В семье меня называли Лелькой. Помню, что я обижалась и рыдала, если меня называли Ольгой, потому что это случалось только в те минуты, когда на меня сердились. Это была трагедия. И до сих пор иногда так называют. Ученики тоже за глаза называли по имени, все дети так делают. Я об этом знала и нормально к этому относилась. После поняла, что опыт западных школ, где дети не называют учителей по отчеству, очень полезен. Это очень верно.

– Вы любили школу, когда учились в ней?

– Школа всегда была моей жизнью, поэтому я даже не задавала себе вопроса: люблю я школу или нет... Объясню. Представьте район «Маяка» конца 50-х годов. Во времена моего детства там строилась большая школа, и наш дом стоял рядом. Она вырастала на моих глазах, эта школа. Строителям каждый день привозили молоко и сметану, моя мама просила покупать в их буфете эти молочные продукты. И вот я по строительным лесам шла за покупками, а

по пути отслеживала все изменения: вот первый этаж построен, вот – второй...

Когда я пошла во второй класс в 1961 году, школа начала работать и получила номер 34. Вот в ней я и стала учиться: в дружном классе с изумительной учительницей Марией Сергеевной. А помимо учебы проводилась еще большая общественная работа – сбор металлолома и макулатуры. А потом, я же еще играла на фортепьяно, так что была занята во всех концертах. В то время девочка, которая учится в музыкальной школе, – это был эксклюзив.

А на утро после школьного выпускного вечера я ощутила пустоту. Поняла, что школа для меня была больше, чем жизнь. И мне захотелось этот процесс продолжить. До того не сомневалась, что посвящу свою жизнь музыке, а тут вдруг поступила в педагогический институт, решила стать преподавателем английского языка. После второго курса пришла в свою же школу на практику и почти сразу осталась в ней на долгие годы. Сначала практикантом, потом больше восьми лет проработала учителем, потом – директором.

Оказалось, что школа очень органично сочетается со всеми моими желаниями, принципами, и даже моей семьей. У меня даже дети родились с учетом школьного графика (смеется).

– Как-то вы сказали, что самое счастливое время вашей жизни – годы, когда вы были директором...

– Только последние годы директорства. Когда меня назначили директором, я не была в восторге. Но я так устроена, что попросту не умею делать свою работу плохо. А уж детям и вовсе не интересно, какую должность ты занимаешь, им интересно, что ты несешь на урок. Так что счастливые годы – те, когда я уже поработала директором, поняла, что делаю правильные вещи. Тогда мы с моим коллективом создали такую атмосферу, при которой ребенок стал в школе главным действующим лицом. Причем шли к этому долго. Прежде всего необходимо было убедить в этом педагогический коллектив. Объяснить, что здесь мы служим детям. И я видела благодарность детей. Заканчивая школу, они всегда возвращались. Говорили, что просто соскучились, хотят походить по коридорам, поздороваться с учителями.

А вообще, когда меня назначили директором, у меня было чувство, что я несу бремя. А потом поняла, что и в должности директора, который, по сути,

является управленцем, есть своя прелесть. Имея власть, я могла защитить большее количество детей...

– От кого?

– От учителей. Сами, наверное, знаете, что многие из них стараются показать свою власть над ребенком. Я много таких педагогов видела: одинокая учительница, личная жизнь не сложилась, как женщина не состоялась. Что у нее есть? Класс детей, над которыми она имеет власть. Когда учитель оскорбляет ребенка, дает некачественные знания, начинает дрессировать детей и читать мораль – это опасно. И сейчас такие учителя есть, что тут скрывать. А я понимала, что такие педагоги не для нашей школы. Со временем, когда я заработала авторитет как директор, оскорбить ребенка в школе – это считалось преступлением. На педсоветах мы, не стесняясь, называли вещи своими именами, разбирали ситуации. Даже если педагоги и считали, что они могут властвовать над детьми, то не делали этого, потому что боялись наказания.

Кроме того, педагогическая практика заставила меня пройти через многое. Приходилось детей и от родителей защищать. Например, было время, когда я совершала еженедельные рейды по квартирам учеников. Район «Маяка» – трудный, много пьющих родителей. Бывало, что приходилось изымать детей из семьи. Мы «разбирали» ребенка на педсовете, отправляли его дело в комиссию по делам несовершеннолетних, потом на родителей накладывался штраф... Казалось бы, бурная работа! Но она хороша только «для галочки». Результат от нее всегда негативный: ребенок еще больше замыкается, родители злятся... Я пришла к выводу, что даже в самом отпетом хулигане есть добро, которое нужно найти и развить. И профессионализм педагога как раз заключается в умении найти к ребенку подход. Это и есть педагогическая победа. Нужно не жалеть себя, тратить и никогда не просить ничего взамен.

– Наверное, для этого сегодня и нужны различные инновации, о которых так много говорят? А что это такое? Приведите, пожалуйста, пример.

– Это сейчас любые нововведения называют инновациями. Пример? Это просто. Чтобы наладить контакт с детьми в своей 34-й школе, мы придумывали разные новые занятия. Пионерская организация к тому времени развалилась, и мы заменили ее... О, мы придумали множество всего интересного! Например, попытались возвращать в стенах школы композиторов и художников. А дети были уверены, что это их идея. Был даже союз композиторов-школьников. Был мальчик, который писал музыку.

Мы дали ему хор школьников, который исполнял его произведения. Или одно время вся школа рисовала. И все дети знали, что у Репина было всего 14 приемов рисования. У нас проходили выставки юных художников, а потом мы вывесили в коридоре фотографии школьных «звезд». И знаете что? Некоторые из портретов были украдены! Все очень расстроились, а я радовалась, ведь это означало, что в школе есть свои настоящие кумиры. Все это стимулировало детей к творчеству, они даже учиться хуже не могли. Это – уже инновация в образовательном процессе.

Что касается дня сегодняшнего, то, если школа не стремится внедрить новые технологии, не стремится знать, что делают другие школы области и России, не развивается, то в этой школе нет качественного знания. Дистанционное образование – это хорошо или плохо? Компьютеризация? Информационные технологии? «Здоровьесберегающие»? Поймите, мы сегодня не можем остановить прогресс. Так же, как и процесс увеличения автомобилей в городе. Так что, если ребенок дома пользуется этим металлом, так я называю компьютеры, то как можно исключить компьютер из системы образования? Тем более что сегодня отовсюду информация хлынула потоками. Ее нужно как-то перерабатывать и применять.

– «Горячая» тема – единый госэкзамен. Одни считают, что это дает детям больше возможностей в плане поступления в вузы, другие – что ЕГЭ нацелен только на заучивание фактов и не заставляет размышлять...

– Вы особую тему затронули. По этому поводу я могу много и плюсов, и минусов обозначить. Но, думаю, что по поводу ЕГЭ было принято правильное решение. Объясню. Мы сегодня много говорим о качестве знаний, и качеством общество не удовлетворено. Потому что в последние десятилетия никто не проводил экспертизы на тему «чему детей учат». Ведь, по сути, на экзамене учитель ставит оценку себе. Если он поставил двойки на выпускном экзамене, то это он оценил свою работу, правильно? ЕГЭ позволяет все же получить независимые результаты. Нашему качеству образования нужно было «смерить температуру». Это раз.

ЕГЭ вызвал большой интерес у общества. А ведь процессом школьного образования широкая общественность не интересовалась очень давно. Это два.

А минусы... Ну, как можно литературу сдавать тестом? Литература – это умение писать, размышлять, выражать собственное «я». Поэтому я считаю,

что подходы к разным дисциплинам, например, к литературе, должны отшлифовываться. Что, собственно, медленно, но происходит.

Еще один из основных минусов ЕГЭ – это рейтинг. Часто звучат фразы: «В этом году мы сдали химию на столько-то баллов, в следующем году сдадим лучше!». Или рейтинг городов и регионов проводить – тоже, на мой взгляд, неправильно. Ведь все дети разные, с разным уровнем развития. Сравнить просто некорректно. Так что есть над чем работать. Но, безусловно, ЕГЭ поднял уровень требования общества к образованию. И это правильно и здорово.

P.S.: Уважаемая Ольга Владимировна! Как и каждый корреспондент во время интервью, я думала о качестве записи и о содержании моих вопросов. И потому забыла сказать вам то, что очень хотелось. Говорю теперь: у вас сегодня день рождения, юбилей, я вас поздравляю!

Беседовала

Оксана ЧЕЧЕТА, газета «Тюменский курьер», 2014 г.